

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-92

Издательство выражает благодарность
за помощь в получении прав
литературному агенту **Ирине Горюновой**

Издательство выражает благодарность
за работу над изданием
литературному редактору **Инге Кузнецовой**
редактору **Роману Волкову**
фотографу **Андрею Федечко**

Охлобыстин, Иван Иванович.

О-92 Улисс / Иван Охлобыстин. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Миры Охлобыстина).
ISBN 978-5-17-114176-9

Если вы подумали, что перед вами роман Джойса, то это не так. На сцену выходит актер и писатель Иван Охлобыстин со своей сверхновой книгой, в которой «Uliss» это... старинные часы с особыми свойствами. Что, если мы сумеем починить их и, прослушав дивную музыку механизма, окажемся в параллельной реальности, где у всех совершенно другие биографии?

Если мы, как герои этой захватывающей прозы, сможем вновь встретиться с теми, кого любили когда-то, но не успели им об этом сказать в нашей быстро текущей жизни? Автор дает нам прекрасную возможность подумать об этом.

Остроумный и живой роман, насыщенный приключениями героев, так похожих на нас, дополнен записками о детстве, семье и дачных историях, где обаятельная и дерзкая натура автора проявляется со всей отчетливостью.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114176-9

© Текст. Иван Охлобыстин, 2019
© Оформление ООО «Издательство АСТ»
© Фото, Андрей Федченко

УЛИСС

(задумчивый роман)

В расположенном на тихой швейцарской улочке часовом салоне, насквозь пропахшем мебельным лаком и оружейным маслом, пожилой респектабельный господин вынес из недр помещения и аккуратно поставил на стол крупный деревянный ящик. Его клиент из России по имени Павел Калугин вздрогнул. Руки его слегка задрожали, а глаза загорелись азартом профессионала.

— Здесь все комплектующие механизма. Три основных элемента, — сообщил продавец. — Часть механизма разрушена взрывом. Дело в том, что создатель часов Лоренцо Бьёли, любимый ученик Леонардо да Винчи, также создавал подрывные механизмы для армии. Его имя окутано легендами, его изобретения активно использовали борцы с силами зла.

— Ван Хельсинги? — не удержался от вопроса Калугин.

— Что-то подобное, — уклончиво пробормотал швейцарец и уточнил: — Вы позволите продолжать?

— Давайте, — не обращая внимания на чопорный тон собеседника, кивнул Павел.

Он с восхищением разглядывал через микровеличитель мерцающие холодной сталью детали часов.

— Учитывая особую историческую ценность этого предмета, ему полагается быть как минимум в Лувре, — заливался соловьем знаток нюансов купли-продажи. — Однако предмет более двух столетий и до недавнего времени принадлежал одному старинному швейцарскому роду, последний представитель которого, умирая, завещал продать бесценную собственность за сто сорок четыре тысячи семьдесят семь швейцарских франков и пожертвовать эти деньги на развитие малоизвестной, но не менее старинной, чем его род, часовой мастерской.

— Почти сто пятьдесят тысяч франков? — ужаснулся его собеседник, отвлекаясь от механизма.

— Именно столько, — удовлетворенно подтвердил продавец и осторожно поинтересовался: — Это дороговато, вы полагаете?

— Очень даже полагаю. Придется продавать дом отца, — с трудом выдохнул Павел.

— Ваш досточтимый батюшка благополучно здравствует? — дипломатично осведомился лукавый часовой менеджер.

— Папа погиб месяц назад, — вздохнул клиент. — Он тоже был часовым мастером. Папа бы меня понял. Об этом механизме я узнал именно от него.

— Как жаль! Как жаль! Какой был человек!

— Вы его знали? — изумился Калугин.

— Имел честь, — скромно и уклончиво пробормотал швейцарец. — Ваш батюшка, несомненно, оценил бы эту вещь. Да он ее и оценил! Это же воплощенное чудо! Четыре тысячи деталей, выточенных вручную! Музыкальный механизм — первый в своем роде. Прародитель всех остальных, включая музыкальные шкатулки. Четыреста лет никто

не слышал мелодию, заключенную в нем. Известно, что Лоренцо начал его создавать после трагической гибели его любимой жены от чумы. Тогда чума была частым явлением в Европе. В один год она могла унести десятки тысяч жизней. Бьёли дал часам имя «Улисс», видимо, в честь знаменитого грека... Но что это я зарпортовался... Так вы берете?

— Да, я определился, — кивнул Павел, пытаясь понять, когда его отец мог познакомиться с продавцом часов, носящих имя хитроумного греческого героя.

— Достойное решение! Поздравляю вас! Если вы оставите задаток в пятьдесят процентов, то я готов предоставить вам механизм хоть сегодня, — вкрадчиво предложил продавец.

— Откуда такое доверие? — усмехнулся Калугин.

— Это личное, — в ответ улыбнулся швейцарец. — Ваша персона, ваша фамилия хорошо известны в нашем бизнесе. Вы — приличная кандидатура для исполнения последней воли их хозяина. И, кроме всего прочего, не скрою, однажды у нас уже был опыт сотрудничества с вашей семьей.

Правда, ваш батюшка эти часы вернул. Видимо, решил, что их невозможно восстановить. Надеюсь, что он ошибался, и у вас будет возможность это установить. Так сказать, пойдете по стопам отца... Да, разумеется, мне будет жаль, если часы отойдут музею. Такие вещи должны жить свободно. Они не только отсчитывают время, но и вправду хранят его. Человеку, далекому от нашего дела, никогда такого не понять. Но не вам, дорогой мой, не вам. Итак?

— Я попробую, — растерянно пожал ему руку Павел и закрыл ящик с механизмом.

«Папа... Вот в чем дело! Я иду за ним, след в след. *Видимо, решил...* — размышлял Калугин в такси по дороге в отель. — Нет, они совсем не поняли отца! Ведь он жил отнюдь не по логике так называемого здравого смысла, а интуитивно и вдохновенно. Именно за этот удивительный дар внутреннего полета его и полюбила мама и двенадцать лет сдувала с него мнимые пылинки, чтобы ничто не могло отвлечь папу от самого себя. Я считал это банальным эгоизмом, мама считала это любовью...»

Да, старший Калугин не мог «решить», что восстановить механизм невозможно. Для него как раз невозможным в принципе было такое «решение». И это не было лишено, кстати говоря, и здравого смысла — в конце концов, все детали, при современном уровне технологий, можно было создать заново с точностью до атома. Восстановить часы было сложно, но теоретически возможно.

Однако отец Павла вернул часы. И это было удивительно. Как и его таинственная гибель. Он отправил часы обратно в мастерскую, забрал залог и буквально через несколько дней, по словам свидетеля, вышел купаться холодной октябрьской ночью в микроскопическом озере неподалеку от дачного дома. К сожалению, он был пьян. Внезапно случилась судорога — и вот так, нелепо и ужасно, он утонул. Но самое странное заключалось в двух фактах: во-первых, единственному свидетелю отец сказал, что пошел топиться (и это могло быть правдой — с потерей жены он очень изменился); а во-вторых, тело так и не нашли. Есть, правда, в тех местах загадочные особенности почвы, а где-то глубоко под землей, под

корнями деревьев, фундаментами домов и пыльными, разбитыми дорогами, струится невидимая река, впадающая в озеро. И гипотетически тело могло отнести на множество километров прочь от илистого озерного дна.

...Павел не мог забыть одного эпизода, связанного с отцом. Это было, когда он уже вырос и стал дипломированным специалистом. Отец включил его в делегацию от завода на часовую выставку в маленький городок на границе Франции и Швейцарии, они вместе отправились туда. Почти неделю они восторженно рассматривали часовые новинки от лучших мастеров отрасли, а в последний день отец подвел его к стенду, указал на экземпляр идеальных форм с двумя репетирами и печально сказал:

— Я бы сделал такие за месяц, но мне некому было бы их показать. Хвалиться я любил только перед твоей мамой.

— Папа, ты можешь сделать лучше! — попытался как-то поддержать его сын.

— Я не хочу лучше. Это технологическое решение полностью соответствует моим нынешним

представлениям об идеале! Я не художник. Я ремесленник, — искренне признался отец. — Художником я хотел быть только перед одним человеком.

— Опять ты о маме! — огорчился Павел.

— Знаешь, мой мальчик, чего мне сейчас хочется больше всего на свете? — заглянул в глаза сыну отец. — Разбить кулаком эту витрину, взять большой кусок стекла и перерезать себе яремную вену. Спроси меня: почему, папа, ты так еще не сделал?

— Почему, папа, ты так еще не сделал? — встревоженный развитием разговора, машинально повторил тот.

— Потому что тем самым я нанесу тебе глубокую психологическую и репутационную травму, — спокойным голосом объяснил отец.

Да, был такой разговор у них. Старика иногда будто прорывало.

И потом... он мог элементарно выпить, капитально и безнадежно. Делал он это тоже очень по-своему, не принимая во внимание ни время, ни обстоятельства. Мог проснуться в три часа ночи и выпить литр водки без закуски, только слушая композиции Андре Кардинала, осточертевшего

Павлу за годы жизни под родительской крышей. Одни и те же треки, от разных исполнителей и в разной аранжировке, но с тем же тоскливым сюжетом и по кругу. С периодичностью как минимум раз в два месяца Паша то и дело поневоле слышал эту музыку, отчего возненавидел композитора всей душой. И если когда-либо потом ему случилось слышать мелодии отцовского любимца, Павел начинал немедленно задыхаться и краснеть лицом, отчего все это напоминало аллергию на какой-нибудь аромат или шерсть каких-нибудь животных и не вызывало у окружающих никакого удивления.

Андре Кардинал возник в жизни Паши где-то в конце восьмого класса. Видимо, тогда папа решил, что его сын уже стал достаточно осознанным, чтобы простить слабости своего старика. Тем более что в своем стремлении заменить сыну и мать тоже отец все свободное время уделял ребенку. Они объездили с ним полмира, забирались на горные вершины, днями и ночами могли кататься на великах по городу и округе... Много еще чего было. Но в конце восьмого учебного года Пашин отец в первый раз включил эту музыку.

Была теплая весна. Нежная свежесть утреннего солнца залила пространство кухни, бархатное сопрано гибнущей матери Диониса заставляло редкие пылинки кружить в потоках света в такт арии. Папа достал из портфеля бутылку водки, налил себе стакан до краев, подошел с ним к раскрытому окну, махом выпил, сделал глубокий вдох, потом повернулся к ошалевшему от увиденного подростку и сказал: «А дальше сам, сынок!»

Нельзя сказать, что их жизнь после этого особенно изменилась, просто они пошли своими дорогами. Павел стал взрослым.

До самого окончания института отец искренне интересовался жизнью сына, иногда помогал ему, благо и тот и другой работали в одной отрасли, даже походатайствовал перед профсоюзом, чтобы сына приняли в качестве инженера на родной завод. И как только это произошло, отец ушел на пенсию и навсегда уехал жить на дачу.

Одному пожить в просторной квартире Павлу не удалось: путешествуя по Каталонии во время отпуска, он встретил Ольгу. Та работала переводчиком. Они сблизились, и вскоре у них родился

первый сын. И началась настоящая жизнь, в которой отец практически не принимал участия, скрываясь то ли от этой жизни, то ли от самого себя.

Когда родился второй сын, Ольга попыталась было подружиться с отцом-отшельником, но толком ничего не получилось. Калугин-старший старательно играл с внуками, водил их по местным достопримечательностям, но чуткое сердце женщины подсказало ей, что старик на самом деле тяготится любым обществом. Ограничились в итоге совместным празднованием Нового года. Ну и он всегда звонил и поздравлял с Международным днем женской солидарности 8 Марта.

Несмотря ни на что, Ольга искренне любила нелюдимого свекра, понимая его тоску и жизненную бесполезность.

А Ольга много о чем знала уже к своим двадцати четырем годам, когда на раскаленной полуденным солнцем аллее встретила молодого человека в шерстяном костюме, пьющего воду прямо из городского фонтана — к изумлению отдыхающих зевак. Чуть позже они опять столкнулись,

но уже в аэропорту. Места оказались в одном ряду, через проход.

Когда самолет взлетел, Павел повернулся к Ольге и, представившись, сразу попытался все объяснить:

— Простите, что напугал вас сегодня. Шел с конференции, заплутал, солнце жарит. Думал, умру. Чуть сознание не потерял.

— Вы запомнили меня?! Там же много людей было! — удивилась девушка.

— Просто вы были самая красивая! Мне особенно перед вами стыдно было, — признался Павел.

— Ольга, — протянула ему руку по-комсомольски девушка. — Переводчик, но если бы вы потеряли сознание, то я бы вас спасла. Нас учат делать искусственное дыхание.

— Рот в рот? — лукаво улыбнулся Павел.

— Кому как. Некоторым эффективнее сильно бить кулаком в область грудной клетки, — не менее иронично парировала Ольга.

— Согласен попробовать любой вариант, — крепко пожал ей руку сосед.

Девушка улыбнулась и отвернулась к окну.

В это мгновение Павел понял, что это его женщина.

Она же вспоминала бегущего за посольским автобусом Сантьяго, с которым у нее не могло ничего быть, если она и дальше хотела продолжать работать в организации с дипломатическим статусом. Во всяком случае, так ей объяснил расклад начальник отдела переводов, а ему — начальник службы безопасности, а тому — посол, а послу — Родина. Сантьяго был сыном богатых родителей и не хотел и не мог жить в Дубне, на закрытой территории военного городка, куда Ольгу направили для повышения квалификации.

А Павел согласился с удовольствием. Ему как раз очень пригодилось оборудование, которое в изобилии могли выдать военспецы за пол-литра. Все свои лучшие часовые механизмы он создал на тех станках. Это был его личный Ренессанс.

...Машина припарковалась у входа в отель ровно в семь, а самолет был в полночь. Получалось,